

УДК 94 (571.15)
ББК 63.3(253.37)535–9

Калашников Андрей Алексеевич

*студент, Алтайский государственный педагогический университет,
г. Барнаул, astralnykeks@gmail.com*

«ЛИШНИЕ, ЗАБЫТЫЕ ПРИ ПЕРЕБОРКЕ ЛЮДИ»: ОБРАЗ ЛЕСНЫХ СЛУЖАЩИХ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА ПОСЛЕ СОБЫТИЙ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В статье анализируется отношение сельского населения Алтайского округа к лесной страже и лесничим накануне и после событий Февральской революции. На основе материалов Государственного архива Алтайского края автор предпринимает попытку воссоздать образ лесного служащего Алтайского округа, выявляя основные причины формирования негативного отношения к служащим округа со стороны местного населения после событий Февральской революции. В результате автор приходит к выводу, что формировавшийся на протяжении продолжительного времени уничижительный образ служащих округа способствовал эскалации конфликта между ними и населением.

Ключевые слова: Февральская революция, лесная стража, Алтайский округ.

Andrey A. Kalashnikov

student, Altai State Pedagogical University, Barnaul, astralnykeks@gmail.com

«FORGOTTEN PEOPLE»: AN IMAGE OF FOREST EMPLOYEES OF THE ALTAI DISTRICT AFTER THE EVENTS OF THE FEBRUARY REVOLUTION

The article analyzes the attitude of the rural population of the Altai district to the forest guards and the foresters on the eve and after the events of the February revolution. On the basis of the materials of the state archive of the Altai region, the author attempts to recreate the image of the forest employee of the Altai district after the events of the February Revolution, revealing the main reasons for the formation of negative attitudes towards the district servants from the local population. As a result, the author comes to the conclusion that the pejorative image of the district employees, formed over a long period of time, contributed to the escalation of the conflict between them and the population.

Key words: February Revolution, forest guards, Altai district.

Лесная стража и лесничество, осуществлявшие ведение лесного и земельно-арендного хозяйства Кабинета Е. И. В. на территории Алтайского округа, редко сталкивались с доброжелательным отношением к себе со стороны местного на-

селения. Пик лесных правонарушений, а вместе с этим и обострение отношений служащих и местного населения пришлось на 1917 г. Сразу после событий Февраля лесные служащие начали активно покидать службу как по собственному желанию, объясняя это невозможностью продолжения ее несения, так и по желанию местного населения с санкции местных комитетов или без нее. Советская и постсоветская историография освещает устранение со службы лесных служащих и обострение отношений с ними местного населения в качестве одной из основных форм крестьянского движения [3, С. 88; 6, С. 61–62; 4, С. 245; 17, С. 180].

В качестве основных факторов стоит отметить личностный (действия и поведение отдельных лесных служащих часто приводили к конфликтам с местным населением) и фактор политический, на что в большинстве случаев обращали внимание советские историки. По нашему мнению, одной из основных причин обострения отношений лесных служащих и местного населения является уничижительный образ служащего Алтайского округа, деформация которого происходила на протяжении предшествующего десятилетия, а катализатором эскалации конфликта послужила Февральская революция. В связи с этим мы предпринимаем попытку воссоздать образ лесного служащего Алтайского округа после событий Февральской революции, выявляя основные причины формирования негативного отношения к служащим округа со стороны местного населения. Данная работа проведена на основе анализа приговоров сельских сходов, рапортов лесных чинов округа, донесений начальника Алтайского округа, решений крестьянских комитетов, протоколов сельских сходов и собраний ведомственной администрации, отложившихся в фондах Государственного архива Алтайского края, а также материалов периодической печати.

Комплексный подход к изучению образа был предложен Н. Н. Родигиной. Образ понимается ею, во-первых, как отражение в общественном мнении представлений о чем-либо, базирующихся на знаниях об этом, во-вторых, как продукт коллективного воображения [14, С. 8]. Мы считаем, что такое объяснение понятия «образ» является наиболее подходящим для изучения заявленной нами темы.

Вплоть до событий, перевернувших все течение общественной жизни целого государства, русский крестьянин жил в своем собственном простом, примитивном мире емких понятий: богу молись, царю поклонись [10, С. 175]. Лесная стража и лесничество, являвшиеся представителями Кабинета Е.И.В. на местах, осуществляли ведение земельно-лесного хозяйства на территории Алтайского округа. Местная администрация воспринималась населением как агент царя, а не государства, что делало ее уязвимой в годы политического кризиса, а владельческая принадлежность региона определила его связь с судьбой монархии [13, С. 41–42]. В приговоре, вынесенном сельским обществом села Суслово Мормышанского лесничества 16 апреля 1917 г., содержится красноречивое утверждение: «... ввиду того что государь свержен, а потому государственное имущество, ранее состоящее в распоряжении его, переходит в руки вселенного народа как то леса и прочее» [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 4731, Л. 6 об.].

Старожильческая часть населения Алтайского округа относилась к лесным служащим более лояльно, чем переселенцы, опьяненные природными богатствами округа и искренне непонимающие необходимости за них платить. В феврале 1917 г., еще до роковых событий, кузнецкий лесничий в рапорте начальнику Алтайского округа сообщал, что объезды страдают от самовольных порубок вследствие многочисленных крестьян-переселенцев, причисленных к старожильческим селениям, но не имеющих пока еще «достаточного домообзаводства» [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 4676, Л. 3 об.]. Богатство лесных ресурсов региона, ущемление прав населения в лесопользовании приводили к хищническому отношению к лесу с его стороны. Являясь прямым ограничителем бесконтрольного пользования земельно-лесными ресурсами округа, ведомственная администрация сталкивалась с недоброжелательным к себе отношением и становилась заложницей крестьянских настроений [13, С. 42]. Т. Н. Соболева отмечает, что одна из главных проблем ведомственной бюрократии была в том, «что она не смогла осознать пагубность для существования кабинетского производственно-территориального комплекса игнорирования интересов одной из сторон, втянутых в экономическое взаимодействие» [15, С. 264]. Погоня за прибылью воспитала «внутреннего врага», которым стало крестьянство, в условиях внутривластного кризиса отказавшее в доверии кабинетской администрации [15, С. 264]. К тому же вера крестьянства, что после свержения самодержавия леса перейдут в их достояние, определяла направление их усилий в русло коллективного и организованного захвата управления лесным хозяйством через посредство выборных крестьянских организаций [5, С. 139].

Вплоть до падения самодержавия царская власть, несмотря на все бунты, была священной как своего рода религиозная данность [10, С. 175]. После отречения царя (а позднее и гибели) ситуация в крестьянском мире России стала развиваться по аксиоме Фридриха Ницше: «Бог умер – абсурд родился». Ситуацию на местах весьма ярко описал павловский лесничий С. Чернов в своем письме в Алтайский губземком: «Подумайте, теперь каждый служит двум Богам: населению и Временному правительству – последнее говорит одно, а население другое и которое исполнять, – становишься в тупик» [2, Ф. 229, Оп. 1, Д. 5, Л. 78–78 об.].

Г. П. Жидков считал, что в представлениях крестьянской массы чины бывшей кабинетской администрации выглядели как анахронизм [4, С. 250]. Мы соглашаемся с историком и считаем, что его точку зрения косвенно подтверждают настроения, царившие в тот период среди местного населения. Еще в марте, как только Алтайский округ узнал о революции, крестьяне и вовсе не верили, что лесная стража осталась в качестве действующего института власти. В рапорте егорьевского лесничего Управлению округа сообщалось, что крестьяне требовали соответствующего распоряжения от Барнаульского комитета общественного порядка с подписью его членов и печатью, копии же приказов начальника округа их не устраивали [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 4700, Л. 5]. В рапорте объездчика Барнаульского лесничества старшему объездчику от 11 марта 1917 г. сообща-

лось, что самовольные порубщики сопротивлялись при задержании, объясняя это тем, что лес теперь не кабинетский, а их – крестьянский [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 4683, Л. 23]. По этой же причине они не признавали и лесную стражу. В рапорте Соляно-Озерского лесничего от 27 марта 1917 г. отмечалось, что граждане «ни лесничего, помощника, лесную стражу, старшину и писаря не хотят знать» [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 4687, Л. 4]. Начальник Алтайского округа Л. Л. Маслов в сводке донесений с мест от 15 июня – 15 июля 1917 г. описывал ситуацию следующим образом: «Растет недоверие и вражда к администрации и страже лесничеств, – «лишним, забытым при переборке людям»» [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 540, Л. 114].

Служба в лесной страже не была популярной среди населения: жалование было небольшим, обязанностей было много. Так как служба объездчиком не была привлекательной, лесничие отмечали, что «в большинстве случаев в лесную стражу поступают только такие люди, которые не могут или не хотят физически трудиться» [16, С. 154]. Исполнение обязанностей такими людьми было соответствующим. На губернском съезде лесных специалистов, проходившем 26 мая в Томске, был поднят вопрос об обострении отношений населения с лесными служащими. По мнению автора газетной статьи о съезде, «бюрократизм в самом управлении, часто чиновническое отношение к своим обязанностям значительного числа лесных чинов на местах не могли не породить отрицательного отношения крестьянских масс к чиновникам лесничим». Автор статьи, некий Рунус, соглашаясь с мнением некоторых лесных специалистов, участвовавших в съезде, считал, что Алтайский округ следовало бы упразднить, потому что «если лесное хозяйство в так называемом казенном управлении не стояло на должной высоте, то еще ниже оно стояло в лесах кабинета, руководимое, в подавляющем большинстве, лицами без специальной лесной подготовки» [11, 30 мая].

Уже в первой декаде марта 1917 г. в Управление Алтайского округа поступали сообщения о конфликтах лесных служащих и населения, а также просьбы о разоружении объездчиков, но Управление округа во время совещания с представителями Комитета общественного порядка не пошло на этот шаг. Видимо, наличие вооруженной силы успокаивало Управление округа и Комитет общественного порядка на случай возможного роста напряженности в отношениях с населением [1, С. 32–33]. С 11 марта по 30 апреля 16 лесничеств из 59 фактически прекратили свою деятельность, в пятидесяти трех была разоружена или разогнана стража, в ряде лесничеств имели место аресты лесничих и их помощников, конфискация касс [6, С. 62].

Разоружение лесной стражи явочным порядком было связано не только с тем, что наличие у служащих оружия оставляло за ними возможность силового вмешательства в дела населения, которое постепенно при помощи появившихся на местах новых органов власти в лице комитетов начинало самостоятельно решать хозяйственные вопросы. Также это было связано с негативным отношением сельского населения к самому наличию у служащих оружия, тем более, что пользовались они им излишне часто [16, С. 70]. Человек с оружием казался

не столько опасным, сколько просто вызывающим раздражение, особенно учитывая уже сформировавшееся отрицательное отношение населения к вооруженным лесным служащим. Больше всего вооруженные люди раздражали возвращавшихся из действующей армии солдат, вдохновленных большевистскими лозунгами и морально измотанных на фронте.

Замены стражи были достаточно привычным явлением. Комплектование лесной стражи чинами запаса обернулось катастрофой для хозяйства Алтайского округа. В 1914 г. мобилизация оставила округ без квалифицированных кадров. На 1 января 1915 г. объездчиков, назначенных инспекцией, осталось 102 человека, а 1175 были наняты лесничими [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 4482, Л. 3]. В этом же году вновь из лесной стражи было призвано в армию 1030 человек [12, С. 122; 2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 4482, Л. 3]. Постепенно лесная стража пополнялась за счет бывших служащих, возвращавшихся с фронта, но основную ее часть составляли лица, нанятые из крестьянской среды.

Текущность кадров на протяжении значительного периода времени не позволяла установить виновников в нарушениях лесного устава среди лесной стражи, что формировало у населения стереотипное восприятие объездчика как преступника. Изменчивость состава стражи создавала у населения образ непостоянства самого института власти, что после Февральской революции способствовало легкости в принятии решений о смещении стражи и ее замене на выборную. Зачастую выбор сельских обществ падал на инвалидов, вернувшихся с фронта. Так, в Мормышанском лесничестве решениями крестьянских комитетов объездчиками были поставлены два старика и один инвалид, не имевший пальцев на обеих руках [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 4731, Л. 6]. В Коростелевском лесничестве объездчиками были назначены 2 инвалида: у первого не действовала левая рука, а у второго правая [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 4718, Л. 10 об.]. В Коробейниковском лесничестве комитетами была поставлена стража из одноруких и людей на костылях [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 4686, Л. 34].

Глядя на таких ставленников населения, становится понятно, что необходимость охраны леса уходила далеко на второй план. В то же время это демонстрирует позицию населения по отношению к лесным служащим – даже инвалиды были лучше бывшей царской администрации. Население видело в лесных служащих не просто бесполезных представителей изжившего себя института власти, но и даже преступников. Коробейниковский лесничий А. Клепиков в рапорте от 19 апреля 1917 г. сообщал Управлению округа, что местные жители считают, что объездчики «не служат, а просто так болтаются и ездят поджигают бор», помимо того, лесную стражу даже не допускали в бор для тушения пожара, в противном случае местные жители грозились убить служащих на месте или бросить в огонь [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 4686, Л. 15–15 об.].

Угрозы были вполне реальными: однажды застав служащих за тушением пожара, вместо помощи и благодарности стражу начали разгонять, и один из объездчиков даже был избит лопатой. После этого неудовлетворенные малой кровью крестьяне отправились на поиски старшего объездчика, чтобы «растянуть

его по рукам и ногам» [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 4686, Л. 16 об.]. Усть-Мосихинский исполком прямо предлагал Кулундинскому лесничему немедленно устранить лесную стражу и назначить на их место людей из местного сельского общества, чтобы сохранить лес от пожара [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 4682, Л. 9].

Примечательно то, как необходимость сокращения штата служащих лесничества объяснялась в протоколе петровского сельского схода от 31 марта 1918 г. – невозможностью содержать нынешний штат в силу тяжелого материального положения населения [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 4684, Л. 101]. Видимо, участники схода не знали, что содержание служащих производилось не из общественных сумм.

Все отношения населения и служащих округа были пропитаны бранью, настоящей ненавистью. О кадровом составе Нижне-Обского лесничества крестьяне говорили: «Все они шпионы, поджигатели, слуги старого порядка, они издеваются над народом» [4, С. 247]. На сходе в селе Токаревке солдатский делегат заявил: «Вся вообще администрация лесничества – сволочь и кровопийцы» [4, С. 247]. Кровопийцами в глазах населения становились даже члены комитетов, выступавшие в защиту служащих [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 4686, Л. 38 об.]. В Сузунском лесничестве объездчиков называли шпионами, опричниками, царскими прислужниками, сторонниками старого «прижима», «не считаясь с их гражданским и чисто человеческим чувством достоинства, требуя в то же время больше чем просто вежливого отношения к себе» [2, Ф. 229, Оп. 1, Д. 13, Л. 36–36 об.].

Для того чтобы стать сторонником старого режима, было достаточно соблюдать свои обязанности, а если кто-то придерживался «старого режима», то он в глазах населения, очевидно, хотел его вернуть [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 4687, Л. 30 об.; Д. 4685, Л. 28, Д. 4686, Л. 38 об.]. Петровский лесничий Бялецкий в рапорте Управлению округа от 18 мая 1917 г. отмечал: «При современных исключительных условиях служащим лесничества предъявляются усиленные требования в смысле проявления энергии и продуктивности работы, что достижимо лишь при свободной инициативе, которая в данное время стесняется» [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 4684, Л. 30].

Напряженные отношения с населением еще более обостряли местные сельские комитеты, о чем сообщал Управлению округа в своем октябрьском рапорте лесничий Бялецкий: «... представители новой власти, оказавшиеся столь строгими критиками ошибок служащих лесничества, допущенных ими в тяжелое время разлухи, не проявили достаточно энергии, когда я и начальник станции Б. Речка обращались к ним за содействием» [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 4684, Л. 50]. Рост спроса населения со служащих округа происходил, всячески стесняя «предложение». Почти во всех случаях обращений за помощью к местным комитетам петровским лесничим была замечена интересная тенденция: «переложить обвинение на служащих лесничества и оправдать действительных виновников, что и неудивительно, т.к. члены комитетов – те же крестьяне, вчерашние нарушители лесного устава, к тому же мало, или совсем не сознательные» [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 4684, Л. 72]. Коробейниковский лесничий также в своем рапорте Управлению округа от 30 марта 1917 г. отмечал, что в состав комитета изби-

раются лица, ранее попадавшие на самовольных порубках [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 4686, Л. 12]. Пытаясь поддерживать порядок в лесничестве и связь с местными комитетами, петровский лесничий и другие служащие в январе 1918 г. были «на-граждены» местной властью обвинениями в грабеже и убийстве [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 4684, Л. 85].

Интересным следует считать то, что в некоторых лесничествах благодаря усердию отдельных лиц лесной страже отказывали в содействии даже земельные комитеты, как это было в Коробейниковском лесничестве [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 4686, Л. 46]. Барнаульский лесничий докладывал начальнику Алтайского округа о ситуации с пьянствующим объездчиком, которого он не может уволить, потому что тот следит одновременно за тремя объездами, а местные власти просто игнорируют его некомпетентность [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 4683, Л. 74]. По мнению лесничего, такое отношение населения к объездчику – это наследие прежнего отношения к лесной страже. «Еще не вполне ясно среди населения определился взгляд на вновь зарождающийся тип объездчика» [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 4683, Л. 74].

В декабре 1917 г. на сходе Красиловского сельского общества младший объездчик был избит за отказ служить председателем комитета, причем сопровождалось все это изъятием у него оружия, папахи, а герб и вовсе отрезали [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 4684, Л. 67, 68]. Жители Аламбайского лесничества, отняв у старшего объездчика шапочный герб и револьвер, заявили, что лично против объездчика ничего не имеют, «но недовольны объездчиками вообще, как корпорацией» [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 4678, Л. 17 об.]. Лишенная своего обмундирования стража переставала отличаться от местного населения. По этой причине барнаульским лесничим даже было предложено Управлению округа «установить хотя бы нарукавники красные с белыми буквами Л.С. (лесная стража – А. К.)» [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 4683, Л. 37].

Хотя избить в то время могли и за меньшее. В рапорте петровского лесничего от 9 марта 1917 г. сообщалось о случае, произошедшем с ним в этот день. Возле сельского управления пьяный нижний чин схватил его за горло, и лесничему пришлось выхватить револьвер. Когда вокруг начали собираться люди, на заявление лесничего, что он просто защищался, ему кто-то ответил, что кабинетских служащих следует бить [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 4684, Л. 1 об.]. В Алеусском лесничестве был избит и ограблен объездчик только потому, что он – «объездчик» [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 540, Л. 113–114 об.]. Решение внутренних проблем силой было традиционным для сельской среды. В новом мире, в мире безвластия и многовластия самосуд порой выходил за рамки разумного. Новые органы власти в лице крестьянских комитетов вершили судьбы собственных односельчан, вынося им смертные приговоры, причем приводили их в силу наиболее варварскими способами: избиваниями, проламыванием черепов, закапываниями заживо в землю и т.д. [8, 24 ноября]. Подобные решения порой выносились наиболее демократическим способом – поднятием рук [9, 19 ноября].

Порой ненависть к лесным служащим разжигали и сами бывшие служащие (а иной раз – действующие). Так, один из объездчиков Барнаульского лесниче-

ства распространял ложную информацию о количестве сданных сенокосных участков. По заявлению лесничего, служащий делал это с целью подорвать доверие к чинам лесничества [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 4683, Л. 62–62 об.]. По заявлению петровского лесничего, главной причиной «неправильных действий», совершаемых местным населением, являлся товарищ председателя одного из местных комитетов, бывший объездчик округа, уволенный со службы [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 540, Л. 70]. В акте, составленном одним из служащих Коростелевского лесничества, говорилось, что граждан степных селений подстрекает на порубки бывший объездчик, апеллируя при этом броскими фразами: «Рубите и везите ничего не будет я сам все знаю был объездчиком» (пунктуация автора документа. – А. К.) [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 4718, Л. 47].

Избиения, угрозы убийством, грабежи, уничтожение имущества как казенного, так и личного, отсутствие восприятия населением лесных служащих округа в качестве действующей власти, нежелание видеть служащих в новом мире, где все старое и, как следствие, отжившее уже кануло в Лету – со всем этим сталкивались лесная стража и лесничие, в большинстве случаев пытавшиеся сохранить работоспособность и порядок на местах. Лишенные возможности нормально работать, лесничие признавали, что «идти против постановлений и желаний обществ не приходится», потому что подобное самоуправство могло закончиться арестом [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 4687, Л. 17]. В угоду местным комитетам Управление округа только в течение марта отозвало с мест 14 лесничих [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 540, Л. 44 об; 17, С. 180]. Л. Л. Маслов в своем докладе на сессии Алтайского губернского земельного комитета 13 июля 1917 г. сообщал: «Со времени государственного переворота тридцать лесничих мною были смещены в угоду населению и переведены в другие места по самым неуважительным причинам: три из них были арестованы и сидели в каталажных камерах без всякой вины с их стороны, а один смещался населением в двух лесничествах. Вот, граждане, картина, при которой округу приходится охранять, вести хозяйство и отвечать за это народное достояние...» [7, С. 338]. В Коробейниковском лесничестве за первые 2,5 месяца после переворота лесная стража была разогнана 3 раза [2, Ф. 4, Оп. 1, Д. 4686, Л. 38].

По мнению Н. Ф. Иванцовой, С. Е. Полякова и М. О. Тяпкина, население рассматривало лесную стражу и лесничих в качестве главного препятствия к ликвидации кабинетского землевладения [6, С. 61; 17, С. 180]. Мы считаем, что подобные смещения лесных служащих были связаны с неприятием населением лесной стражи в качестве властного института. Изменившаяся политическая ситуация способствовала легкости в принятии решений об ее замене и разгоне. Переводы лесных служащих из одних лесничеств в другие не могли стабилизировать ситуацию в деревне, особенно учитывая то, что население с не меньшим энтузиазмом разгоняло стражу, уже ранее замененную. На губернском совещании представителей общественных и политических организаций Алтайской губернии, проходившем 22–23 октября 1917 г., заместителем губернского комиссара Я. В. Плотниковым было отмечено: «Крестьянство не желает знать никакой

власти над собой, не признавая даже своих избранных, заявляя, что чем ты лучше меня, если я тебя выбирал, я и сместить тебя могу» [9, 29 октября].

Итак, после событий Февральской революции лесные чины округа оказались действительно «лишними» людьми. «Внутренний враг», отказавший в доверии кабинетской администрации, освежил свою крестьянскую память, вспомнил обилие поборов, бюрократизм, без которого было невозможно земельно-лесное пользование, строившееся на коммерческих началах, а также все «грехи» ведомственной администрации, которые только смог. Сельское население округа оказалось настроено категорически против существовавшей системы ведения хозяйства, в частности, против лесных служащих. В представлениях крестьянской массы лесные служащие, являвшиеся в первую очередь агентами царя, должны были исчезнуть так же, как и самодержавие. Теперь, в условиях революционного подъема, когда-то злоупотреблявшие своими полномочиями служащие становились для населения прямым объектом для агрессии. Нехватка квалифицированных кадров, наличие на службе ленивых, а иной раз хоть и усердных, но способствовавших истреблению лесных богатств личностей, создавали у населения своеобразные представления о лесных служащих.

К февралю 1917 г. негативное отношение к ним сформировало у населения Алтайского округа образ лесного служащего в качестве несправедливого ревизора, вершившего царскую волю. После событий Февраля, когда самодержавия не стало и наступило время перемен и преобразований, для крестьянской массы лесные служащие округа все еще оставались «царскими прислужниками» и ассоциировались с чем-то уже отжившим, бесполезным и забытым. Образ лесного служащего, и без того достаточно уничижительный, эволюционировал из несправедливого ревизора в нечто аморфное, но, безусловно, ненужное и, как страшный сон, забытое. Любые напоминания о существовании лесоохраны как таковой становились опасными как для крестьянской массы, почувствовавшей вкус свободы и боявшейся возобновления «старого гнета», так и для лесных чинов, попытки продолжать службу которых были сопряжены с постоянным риском для собственной жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев П. А., Калашников А. А. Деятельность Управления Алтайского округа в региональном контексте Февральской революции // Известия Алтайского гос. ун-та. 2017. № 2(94). С. 28–35.
2. Государственный архив Алтайского края.
3. Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Крестьянское движение в Сибири 1914–1917 гг. Хроника и историография. Новосибирск : Наука, 1987. 241 с.
4. Жидков Г. П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск : Наука, 1973. 264 с.

5. Зыкова Г. В. Хозяйственная деятельность крестьянских комитетов в 1917 г. // Исторический опыт хозяйственного освоения Сибири. XVII–XX вв. Томск : Изд-во ТГУ, 1994. С. 137–149.
6. Иванцова Н. Ф. Сибирское крестьянство в 1917 – начале 1918 гг. М.: Прометей, 1990. 167 с.
7. Иванцова Н. Ф. Западносибирское крестьянство в 1917 – первой половине 1918 гг. М.: «Прометей», МПГУ им. В. И. Ленина, 1993. 452 с.
8. Известия Алтайского губернского комитета спасения революции. Барнаул, 1917.
9. Известия Алтайской губернии. Барнаул, 1917.
10. Колупаев Д. В. Очерки социально-политической истории России в IX–XX вв. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2014. 205 с.
11. Новая жизнь. Томск, 1917.
12. Обзор деятельности округа за пятилетие (1911–1915 гг.) с краткой исторической справкой за предшествующее время. Барнаул, 1916.
13. Поляков С. Е. Влияние настроений крестьянства на ситуацию в Алтайском округе (весна 1917 – весна 1918 г.) // Алтайский сборник. Вып. 21. Барнаул, 2004. С. 41–51.
14. Родигина Н. Н. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. Автореф. дис ... докт. ист. наук. Омск, 2006.
15. Соболева Т. Н. Управление Алтайского (горного) округа и Змеиногорского края в 1861–1917 гг. // Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска). Барнаул: Издание управления архивного дела администрации Алтайского края, 2003. С. 233–268.
16. Тяпкин М. О. Охрана лесов томской губернии во второй трети XIX – начале XX в. Барнаул: Азбука, 2006. 225 с.
17. Тяпкин М. О., Поляков С. Е. Лесоохрана в Алтайском округе в 1908–1919 гг. // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVIII – начала XX вв. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 166–193.